

Леонид Смиловицкий (Tel Awiw)

«Пишите, покуда жив, моя жизнь минутная»¹

О жизни и смерти на войне.

(по страницам писем и дневников евреев - бойцов и командиров Красной Армии 1941-1945 гг.).

Введение

Что помогало сохранить человеку на войне жизнь? Ответ на этот вопрос до сих пор не найден. У каждого солдата, который пришел с войны есть, что сказать об этом. И мы должны верить ему, потому что он вернулся живым.

Вряд ли есть ответ на вопрос, смерть человека на войне – это случайность или закономерность? У каждого солдата, не дожившего до конца войны, была своя конкретная жизнь и своя конкретная смерть. Можно долго готовиться к войне, изучать чужой опыт, тренироваться, стараться предусмотреть все мелочи, соблюдать осторожность и все равно погибнуть в первом бою.

Что помогало выжить? Прежде всего, это вера, что останешься жить, что тебя не убьют. Это давало силы преодолеть самые сложные препятствия, выдерживать сверх нагрузки, выстоять там, где другим это оказалось не по плечу – не замерзнуть, не утонуть, не сгореть, не умереть от голода, не подорваться от тяжести. Большое значение имел солдатский опыт. Не дать обнаружить себя врагу, закопаться в землю, построить укрытие, окоп, землянку. Видеть и правильно оценить опасность, не трусить, но напрасно не рисковать. Научиться вести себя при артиллерийском обстреле, при бомбежке. Слышать вой снаряда, бомбы или мины и не пугаться, прижиматься к земле, правильно ползать, искать временное укрытие. Умело обращаться с оружием, вести пштыковой и рукопашный бой, метко стрелять - каждая мелочь берегла жизнь.

Солдатская судьба и его величество случай. Самая большая опасность – это слепая смерть, которую на фронте называли «глупой». От прямого попадания, осколка мины, шальной пули. У каждого фронтовика есть свои рассказы, как ему повезло больше других, как товарищ, который находился рядом, погиб, а его не зацепило. Если было на роду написано выжить, как считают многие, значит, че-

¹ Из письма Алексея Виноградова – своей семье в д. Болотово, Серезинского района, Калининской обл. 22 февраля 1943 г.

ловец оставался жить, а все вокруг погибали. Многие солдаты верили в судьбу. Истории о том, как человек на войне чуть не погиб, но выжил, оставались в памяти фронтовика навсегда, как наиболее яркие, острые и волнующие мгновения. Часто можно встретить приписку о том, что «на этот раз» я уцелел, но неизвестно, как долго еще будет везти. Итак, снова дилемма, что это – везение или закономерность, судьба или счастливый случай? Вера в судьбу в атеистическом Советском Союзе не поощрялась, но в годы войны власти закрывали на это глаза.

Большую роль играл способный и знающий командир, заботливый и любящий солдата, который бережет личный состав. Много означало сознание солдата, который не боялся погибнуть среди своих, в открытом бою с оружием в руках. Вера, что товарищи предадут тело земле, не дадут глумиться врагу, место захоронения сохраниться, что жена, дети, родители, близкие узнают о его последнем часе. Почетная смерть в бою пугала меньше, чем гибель в плену – от голода, истощения, болезней, унижений, собственного бессилия и немоги, сознания того, что родные не будут знать, как пришла смерть.

Мало кто из фронтовиков искренне верил, что повезет именно ему, а не товарищу по оружию. Тогда почему воевали, откуда брали силы преодолевать ежедневный труд войны? Из писем мы узнаем, что главное было не загадывать далеко, дожить до вечера, а потом до утра и верить, что всех не убьют, что «наше дело правое, победа будет за нами»². Чувство постоянной опасности, смерть товарища, с которым еще утром ел из одного котелка, обостряли жажду жизни, обнажали чувства и делали более откровенными человеческие отношения. Часто возникали ситуации, когда возможности передумать, не оставалось, решение нужно было принимать мгновенно, поэтому с первого раза нужно было делать так, чтобы потом не жалеть.

Жизнь солдата на войне поддерживала мысль, что в случае гибели о его семье позаботится государство. Что его жена, дети и родители не окажутся брошенными на произвол судьбы. Можно представить, что когда солдат видел, как погибают и превращаются в калек его товарищи по оружию, он задавался вопросом – почему они, а не я? Когда мой черед? Набраться смелости, не утратить мужества и идти вперед на врага.

Письма рассказывают, о чем человек думал, когда шел на войну, находился на передовой, готовился к атаке, участвовал в бою, а когда бой затих, то остывающим краешком сознания успевал подумать, что остался жив. Письма представляли собой общение близких людей, которые делились сокровенным, забо-

² *Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами* - заключительная фраза обращения к советскому народу, которое заместитель Председателя Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотов зачитал в 12 часов дня 22 июня 1941 г., день начала советско-германской войны. Выступление Молотова было согласовано с И.В. Сталиным

тами и радостями, передавали свои мысли, чувства, эмоции, надежды. Они торопились это сделать, понимая, что следующий бой может оказаться последним. Исходя из этого, солдатские письма являются первоисточником, который заслуживает наибольшего доверия.

В письмах с фронта нельзя прочитать о приказе Сталина «ни шагу назад» № 227³, который потом дополнил приказ № 270,⁴ как и о заградительных отрядах НКВД⁵, которые стояли за спиной наступающих. Точно также как не говорилось о штрафниках⁶, которых бросали на особо опасные участки обороны противника. Они должны были «искупить свою вину» до первой крови или погибнуть.

Солдат-еврей больше всего боялся попасть в плен, где ему выжить было невозможно. Евреи первыми бежали из плена при малейшей возможности или предпочитали наложить на себя руки⁷.

Как объяснить откровения в солдатских письмах? Почему их авторы часто не боялись вызвать беспокойство, боль и тревогу своих близких, которым нечем было ответить, кроме сочувствия. Родные понимали, что в письмах написано далеко не все, что это только малая часть того, что происходило на войне. Письмо шло в одну сторону от двух недель до полутора месяца. И за это время смерть вполне могла унести жизнь их автора. Все понимали, что пока приходили письма, солдат был жив. И не случайно в письмах мы часто встречаем дежурную, обязательную фразу – «жив и здоров, пока ...»⁸.

Можно предположить, что вопрос о том, стоит или не стоит писать об опасностях, подстерегавших солдата на войне, сообщать, как он остался жив в критическую минуту, задавали себе те, кто писал письма и те, кто их читал. Иногда участники переписки заранее договаривались писать правду, ничего не скрывая. Однако где уверенность, что это соблюдалось? В противном случае, писать приходилось бы много и долго, тогда как не у каждого были для этого желание,

³ «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» или в просторечии «Ни шагу назад!» – приказ И.В. Сталина № 227 от 28 июля 1942 г.

⁴ «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии № 270, от 16 августа 1941 г.; каждый командир или политработник был обязан сражаться до последней возможности, запрещалось сдаваться в плен врагу. Нарушители могли быть расстреляны на месте, как дезертиры, а их семьи подлежали аресту и лишались всех государственных пособий и поддержки.

⁵ Заградительные отряды (заградотряды) - размещались позади основных войск для поддержания воинской дисциплины, предотвращения бегства военнослужащих с поля боя, образованы в соответствии с приказом НКВД СССР № 00941 от 19 июля 1941 г. См. подробнее: Е.В. Ковыршин. «К вопросу о заградительных отрядах в Красной армии // *Военно-исторический журнал*, 2008 г., № 4, с. 28-29.

⁶ Штрафные части – специальные воинские части действующей армии, куда в военное время в качестве наказания направлялись военнослужащие, совершившие преступления (кроме тяжких, за которые полагалась смертная казнь) и осуждённые приговором военного трибунала с применением отсрочки исполнения приговора до окончания войны. Женщин в штрафные роты не направляли.

⁷ Pariahs among the pariahs. Soviet-Jewish POW's in German Captivity, 1941-1945. By Aron Sheyer. Yad Vashem. Jerusalem 2016.

⁸ Из письма Давида Гутмана – отцу Самуила Рахмиэлевичу Гутману в г. Саратов 18 ноября 1943 г.

способности и возможности. Поэтому в письмо стремились уложить максимум мысли при минимуме строчек. Большинство писем не приводят подробности боев и опасных поворотов солдатской судьбы. Главное, было отправить «простое» письмо, напомнить, что солдат жив, здоров, воюет. Он не забыл о доме, остается верен семье, не теряет надежду на встречу. Когда же родные требовали подробностей, то читали в ответ – «я жив, а подробности при встрече».

Настоящая статья написана, в основном, на материалах коллекции военных писем и дневников, которые были собраны в архиве Центра диаспоры при Тель-Авивском университете в самое последнее время (2012-2017 гг.) и впервые вводятся в научный оборот⁹.

Евреи в Красной Армии

В первый день войны 22 июня 1941 г. были призваны на воинскую службу советские граждане 1905-1918 г. р. (14 призывных возрастов). Несмотря на трудности мобилизации за первые недели войны, связанные с быстрым продвижением немецких войск, после поспешных сборов на фронт было направлено 5 млн. 300 тыс. бойцов и командиров¹⁰. В мае 1945 г. в Вооруженных Силах СССР насчитывалось 12 млн. 840 тыс. чел., среди которых более 1 млн. солдат и офицеров были ранены и находились в госпиталях¹¹.

В советско-германской войне, которая в советской историографии получила название Великой Отечественной, в рядах Красной Армии сражались бойцы и командиры почти ста национальностей Советского Союза, включая примерно 165-170 тыс. офицеров и около 300 тыс. рядовых – евреев¹².

По оценке профессора Ицхака Арада, в советских Вооруженных Силах в 1941-1945 гг. служило от 490 до 520 тыс. евреев. Это количество не было постоянным в течение всей войны. В 1944 г. с освобождением Украины и Беларуси в армию были призваны тысячи евреев-партизан, воевавших против немцев в лесах, и некоторые евреи, пережившие оккупацию. Некоторые юноши-евреи

⁹ L. Smilovitsky. „Soviet Jews write to the Red Army (1941-1945). Creation of a collection of War time letters in the Diaspora Research Centre at Tel Aviv University” (Советские евреи пишут в Красную армию, 1941-1945. Опыт формирования коллекции военных писем в Центре диаспоры при Тель-Авивском университете) // *Russkii arkhiv*, no 4, (vol. 6) 2014, pp. 236-252. <http://ejournal16.com/ru/archive.html?number=2014-12-26-09:00:43&journal=6>

¹⁰ *Великая Отечественная война 1945-1941: Словарь-справочник*. Под ред. М.М. Кирьян и др, Москва 1988, с. 12, 14, 15.

¹¹ *Гриф секретности снят: Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и конфликтах: Статистическое исследование*. Под общей редакцией Г.Ф. Кривошеева. Москва 1993, с. 14. Более подробно: С. Кропачев, Е. Кринко. *Потери населения СССР в 1945-1937 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография*, Москва, РОССПЭН, 2012 г. – 350 с.

¹² Ф.Д. Свездлов. *Подвиги солдат-евреев в боях*. Часть первая, год 1941, Москва, 1994, с. 12.

из районов эвакуации были призваны весной 1945 г. и служили короткий срок, иногда считанные месяцы¹³.

Согласно официальной статистике Министерства обороны Российской Федерации 142 тыс. 500 евреев были убиты в боях или погибли в плену. Некоторые евреи-военнослужащие были записаны, как русские, литовцы, татары, узбеки, цыгане и т. д. Это значит, что все сведения о евреях в Красной Армии нуждаются в уточнении.

Война против нацистской Германии вызвала массовое перемещение населения. 16 млн. 500 тыс. чел. были эвакуированы или сами бежали из мест довоенного проживания (включая Москву и Ленинград). Более 80 млн. советских граждан оказались под германской или румынской оккупацией. Приблизительно 11 или 12 млн. из них погибли, включая 2 млн. 500 тыс. евреев, живших в границах СССР к 22 июня 1941 г. Приблизительно миллион из этих евреев жили в этих границах с 1939 г.¹⁴

По данным д-ра Арона Шнеера из Яд Вашем, в годы войны в Красной Армии воевали 501 тыс. евреев. Это составило 16% всего еврейского населения СССР - 3 млн. 28 тыс. чел. в границах на 1 сентября 1939 г. По сравнению с 1939 г. за годы войны количество евреев в Красной Армии увеличилось в 14 раз.

Большая часть евреев находилась на передовой (80%) в качестве рядовых солдат и младших офицеров. Значительная роль в разгроме нацистской Германии принадлежала высшему командному составу. Генералов и адмиралов-евреев в Красной Армии, по сведениям профессора Ф.Д. Свердлова, насчитывалось 305 чел. или 2,2%. Это выше доли еврейского населения СССР (1,7%), согласно переписи 1939 г.¹⁵. Количество евреев-военачальников могло быть в полтора раза больше, если бы не последствия необоснованных репрессий в предвоенные годы¹⁶.

За четыре года войны погибло в боях, умерло от ран и болезней, пропало без вести 198 тыс. (39,6% от общего количества) евреев-военнослужащих. Для сравнения общие безвозвратные потери советских войск составили за то же время 25%¹⁷. Среди погибших и пропавших без вести, умерших от ран евреев было 77,6% рядовых бойцов и сержантов, а также 22,4% младших лейтенантов, лейтенантов и старших лейтенантов¹⁸.

¹³ И. Арад. Они сражались за Родину. Евреи Советского Союза в Великой Отечественной войне, Москва -Иерусалим 2011 г., с. 36-37.

¹⁴ *To Pour Out My Bitter Soul. Letters of Jews from the USSR 1941-1945.* Edited by Arkadi Zeltser. Yad Vashem, Jerusalem 2016, p. 12-14.

¹⁵ Ф.Д. Свердлов. *Евреи-генералы Вооруженных сил СССР.* Краткие биографии. Москва, 1993 г., с. 14.

¹⁶ В 1936-1939 гг. было расстреляно 180 евреев из числа высшего командного и политического состава Красной Армии и Флота. Там же, с. 14.

¹⁷ Арон Шнеер. *Плен.* Советские военнопленные в Германии, 1941-1945 гг. Москва-Иерусалим, 2005, с.341.

¹⁸ *Очерки еврейского героизма.* В трех томах, Киев 1997, т. 3, с. 449.

Евреи - солдаты и командиры, генералы и политработники, сражались в рядах Красной армии, как советские военнослужащие. Однако, при этом никто из них не забывал, что одновременно они воевали, как евреи, защищая свой народ, который был приговорен к нацистами к поголовному уничтожению. Поражение Советского Союза в войне с Германией означало неминуемую гибель для всех евреев, включая их семьи, остававшиеся в эвакуации¹⁹.

Жажда жизни

Жажда жизни оказалось основным чувством для человека, который попал на войну и впервые почувствовал смерть. Реальность и близость ее поражали воображение. Высокие слова о любви к родине, патриотизме, самопожертвовании, священном долге и обязанности гражданина, необходимости защитить тех, кто остался дома, тех, кто его провожал, и на него надеялся – все это отодвигалось на второй план. Все это заслоняло только одно желание - сохранить жизнь. Сохранить, но какой ценой? Сохранить, чтобы не потерять честь, а для этого нужно было победить. Каждый солдат искал свой ответ на этот вопрос.

Желание выжить открывало неожиданные резервы. Письма домой содержат эту констатацию, граничащую с искренним удивлением – «никогда не думал, что я такой выносливый и живучий – прошел сквозь большие испытания и вернулся живым и невредимым»²⁰. Или – «уже несколько раз смерть своими страшными лапами пыталась меня угробить, но жизнь не позволяла этого сделать и спасала. Да, я жив, я хочу жить, я борюсь за жизнь, и потому я должен жить»²¹.

Человек, поставленный на грань жизни и смерти, делился своими опасениями и тревогами. Однако это нельзя было назвать малодушием. Порой откровения, которые можно встретить в письмах, бросают в холодный пот, но это была жестокая правда, которую фронтовики не собирались скрывать – **«за один бой, в течение одного-двух часов слетают сотни голов ...»**²².

После пребывания на передовой окружающий мир приобретал совершенно иные черты и звучание. В одном из писем мы читаем – «ты себе не можешь представить, что за чувство переживаешь, когда после более чем двухмесячного пребывания под носом у противника, вдруг очутишься в таком месте, где мож-

¹⁹ Арон Абрамович. *В решающей войне. Участие и роль евреев СССР в войне против нацизма*, СПб, 1999; Иосиф Маляр. *Еврейский народ в борьбе против нацизма. Бейт-Лохамей ха-геттаот* (Израиль) 2000; Ф.Д.Свердлов. *Энциклопедия еврейского героизма*, Москва 2002; Леонид Шейнкер. *Героизм евреев на войне*, Тель-Авив 2003; Марк Штейнберг. *Еврейский щит СССР: очерки военной истории еврейского народа (1941-1991 гг.)*, Москва 2011; Александр Розенберг. *Евреи СССР в Великой Отечественной войне*, Минск 2012.

²⁰ Из письма Юрия Хацкелевича Пинского – родным в г. Соль-Илецк Оренбургской обл. 5 марта 1942 г.

²¹ Из письма Владимира Абрамовича Ильевского – матери Ильевской Елене Иосифовне с. Роледор Красноярского р-на Саратовской обл., 27 октября 1943 г.

²² Из письма Владимира Абрамовича Чубарова – сестре Розе Абрамовне Чубаровой в г. Наманган, Узбекской ССР 17 июля 1943 г.

но ходить во весь рост, не опасаясь снайперских пуль и беспрерывно рвущихся снарядов и мин»²³.

Война меняла опыт гражданской жизни и книжный мир - на реальный, который заставлял думать, как выжить. Александр Поляк, отдыхая после боев, написал своим родителям в Москву: «У Горького в большинстве произведений люди жалуются на незнание целей жизни. В наше время думают, как бы прожить и не погибнуть»²⁴.

Близость смерти заставляла человека на войне подходить к ее философскому осмыслению – «смерть витает над головой, как никогда, и поэтому еще больше хочется жить, и я говорю в своем письме о жизни. О смерти я стараюсь поменьше говорить и думать. Если ей нужно будет – она сама придет, но звать я ее не стану»²⁵. Или - *«главное не в величине письма и не в его философской сути, а в том, что я жив, что я люблю тебя, что жду встречи с тобой, что берегу себя для тебя. Это главное, и это удовлетворит тебя вполне»*²⁶.

Столкнувшись со смертью, фронтовики понимали, что никто кроме них не знает что такое война и в каких условиях приходится жить и воевать. Одно дело знать о смерти абстрактно, а совсем другое видеть ее своими глазами, чувствовать на себе ее близость: «Мамочка! Жизнь! Жить! Я поняла ее цену. Но жить так, как хочется, как нужно, как верно, как я хочу – трудно и ярко, интересно и тяжело»²⁷.

Ужас войны, испытания, которым война подвергала человека на войне, были настолько велики, что сознание не выдерживало – «последнее время я всеми силами стараюсь держать себя в руках, т. к. нервы очень развинчены и сердце сильно шалит, а мне хотелось дотянуть до конца войны»²⁸. Иногда подкрадывалась предательская мысль расстаться с жизнью и этим положить конец собственным мучениям. И только мысли о доме, семье, жене и детях, родных и близких удерживали человека от этого шага – «сколько раз я искал смерти, как избавления, но отбрасывал всегда эту мысль при одном воспоминании о том, каким великим горем это будет для тебя. И тогда ко мне снова возвращалось желание жить, и я крепился, тянул и вытягивал, не веря себе, что я выдержал то, что считал совершенно невозможным»²⁹.

²³ Из письма Менаше Берковича Ваила - жене Бэле Шлемовне Вайл-Новак в Бугуруслан Чкаловской обл. 30 декабря 1943 г.

²⁴ Письмо Дмитрия Поляка из действующей армии - своим родителям в Москву 14 марта 1944 г.

²⁵ Из письма М.Б. Ваила - Б.Ш. Вайл-Новак в Бугуруслан 26 ноября 1942 г.

²⁶ Из письма М.С. Абрамовича - жене Евгении Яковлевне Абрамович в г. Ярославль (бывший Волгострой), лесокомбинат от 20 августа 1944 г.

²⁷ Письмо Инны Львовны Фруг из действующей армии - матери Екатерине Осиповне Маневич в Москву 25 августа 1944 г.

²⁸ Из письма М.Б. Ваила - Б.Ш. Вайл-Новак в Бугуруслан 22 декабря 1944 г.

²⁹ Там же.

Вот эти свидетельства:

27 ноября 1941 г.

Этот сволочь Гитлер ежедневно пытается нас бомбить, а, кроме того, теперь ежедневно нас обстреливают из дальнобойных орудий. Но зато, если прогоним этого изверга-немца, то тогда будет о чём вспомнить. Кругом свистели пули и снаряды, а на улице масса трупов. Только бы пережить это время, зато потом будет хорошо³⁰.

7 февраля 1943 г.

Как хочется, чтобы эта проклятая война закончилась! Просто трудно передать. Миллионы гибнут, и мы можем погибнуть, сражаясь с врагом. Счастлив тот, кто будет свидетелем будущей жизни, когда окончится мировая война, которую не ведал ещё свет...³¹.

2 августа 1943 г.

Ох, как хочется жить и вас видеть, и надо верить, что я вернусь к вам. Настроение кошмарное. Здоровья нет, еле хожу, что дальше будет, не знаю. Ноги совершенно отказывают, а ходить надо. Заявлять или жаловаться нечего - это пустой разговор, приходится терпеть. Осень приближается, очень страшно становится, если только придется осенью быть здесь, но думаю, что близится конец. Не теряй надежду, прошу быть человеком, смотреть за собой и за детишками³².

27 октября 1943 г.

Уже несколько раз смерть своими страшными лапами пыталась меня угробить, но жизнь не позволяла этого сделать и спасала. Да, я жив, я хочу жить, я борюсь за жизнь, и потому я должен жить³³.

9 июля 1944 г.

Я в отчаянии переживаю каждый бой, в котором полагаю и твое участие. Не знаю, какой я стану после этих жутких дней, как я научусь ценить жизнь. Пожалуй, отношение ко многому изменится. Сегодня я не могу освободиться от жгучей, физической боли в груди, что-то сжимает горло, а слез нет. Я могла бы все отдать, себя отдать, что б ты после всего этого уцелел³⁴.

³⁰ Письмо Сони Логак из Ленинграда - сестре Хане в г. Казань 27 ноября 1941 г. // Папка «Цыпин».

³¹ Письмо В.А. Ильевского - Е.И. Ильевской 7 февраля 1943 г.

³² Письмо Рахмана Шимоновича Шахмейстера из действующей армии - своей жене Хассе-Фейге Шахмейстер в г. Очерск Пермской обл. 2 августа 1943 г.

³³ Письмо В.А. Ильевского - Е.И. Ильевской 27 октября 1943 г.

³⁴ Письмо Элишевы Яковлевны Канцедикас из г. Куйбышева - своему мужу Соломону Мейлоховичу Канцедикасу в действующую армию 9 июля 1944 г.

25 августа 1944 г.

Мы идем вперед и вперед. Мамочка! Ведь ты ничего, ничего не видишь! Представь: унылая румынская степь. Кукуруза. Горы. Места боев. Выжженные склоны, позиции, танки и трупы. Смрадный запах. Масса неубранных лошадей вверх ногами с вздутым брюхом, но к ним мы и раньше привыкли. А вот трупы людей видим впервые за Яссами. Черные, полусгнившие... Неужели это были живые люди?! Мамочка! Жизнь! Жить! Я поняла ее цену ...³⁵.

30 сентября 1944 г.

На твои упреки в остывших чувствах не буду отвечать. Это слишком тяжело объяснить, да и вряд ли ты из письма поймешь меня. Пойми только одно, Геничка, в такой войне, какая идет сейчас, пробыть более трёх лет в армии, на фронтах, надо было иметь не только военное «счастье», но сильно и упорно работать и бороться за это военное «счастье»... Вот только что, совсем рядом, разорвались два снаряда. Я минут на пять прервал течение письма. Проклятый фриц, видя верный проигрыш, огрызается. И вот, понимаешь ли, какое сейчас настроение?³⁶.

2 сентября 1945 г.

Как я только остался жив после этой войны? Это война – не то, что было в 1914-1916 годах. Сколько раз мы были в таких положениях, что и не мечтали больше увидеть родных. Но, видно, это было наше счастье, остаться в живых³⁷.

30 декабря 1945 г.

Меня успокаивает только сознание того, что из урагана двух войн я вышел живым и здоровым – значит, жизнь наша будет и встреча наша не за горами³⁸.

Привыкнуть к смерти

Человек на войне быстро приходил к пониманию, что необходимо привыкнуть к мысли о смерти. Перспектива умереть, пока человек вел гражданскую жизнь, казалась очень далекой, почти абстрактной. Смерть человека – всегда трагедия. Можно ли с этим смириться?

Что делает с человеком привычка к смерти? Необходимо ли при этом пожертвовать своим отношением к другим людям, товарищам по оружию, сослуж-

³⁵ Письмо Инны Львовны Фруг из действующей армии – матери Екатерине Осиповне Маневич в Москву 25 августа 1944 г.

³⁶ Письмо Якова Моисеевича Скульского - жене Гене Брехман в Кустанай (Казахстан) 30 сентября 1944 г.

³⁷ Письмо Моисея Борисовича Гинзбурга из действующей армии – родителям в Баку 2 сентября 1945 г.

³⁸ Письмо Наума Бейлина из действующей армии - Гите Чарной в Омск (Западная Сибирь) 30 декабря 1945 г.

живцам, соседям по окопу, блиндажу, землянке? Нарушить свою мораль, принципы и правила. Или, наоборот, привычка к смерти делает человека сильнее, устойчивее, заставляет действовать более уверенно, смело и решительно?

Привыкнуть к смерти можно было только в экстремальных условиях, когда кто-то насильно хочет отнять жизнь, а все твоё естество этому противиться. Когда контраст жизни и смерти виден наиболее отчетливо, когда, образно говоря, мир из цветного превращается в черно-белый. Когда остается только два главных слова - «да» или «нет». Важно не только то, что с тобой происходит, но и как ты к этому относишься. В некоторых письмах мы читаем, что необходимо сохранять хладнокровие, научиться относиться к происходящим событиям не так как хочется, а как это должно быть. Солдат на войне пытался убедить в этом себя самого и своих домашних. Для многих это становилось откровением. Тот, кто к этому пришел, получил дополнительный шанс к жизни. Вот как об этом говорят солдатские письма:

3 сентября 1942 г.

Мы сейчас на том берегу, что возле фронта. Работаем по-настоящему. Рита - сестрой в хирургическом отделении, уже привыкает, маленькая, к ранам, ампутациям, смертям. Нелегко видеть, когда человек, умирая в полном сознании, прощается с женой, с сыном, карточки которых мы недавно смотрели³⁹.

16 ноября 1942 г.

Война ожесточает человека, но только по отношению к врагу, а по отношению к своим близким, к своему народу делает еще более чутким, еще более преданным⁴⁰.

14 февраля 1943 г.

Кстати о смерти. Здесь, где дыхание и призрак ее наиболее ощутимы, меньше всего о ней думают. Ее соседство будто и не замечают, как бывает, стараются не замечать присутствия принципиальной, сварливой соседки. К ним относятся с неким чувством презрения и даже оттенком иронии и пренебрежения. Здесь больше всего думают о жизни, жизни прошлой, настоящей, будущей, во всех ее оттенках и проявлениях. А если и думают о смерти то только для чужих, для тех, кто находится по ту сторону проволочных заграждений да минных полей. Люди эту смерть готовят неустанно с удивительной методичностью. Тако-

³⁹ Письмо Веры Куфаевой из действующей армии - своим родителям в г. Калач Воронежской обл.

⁴⁰ Из письма М.Б. Ваила - Б.Ш. Вайл-Новак 16 ноября 1942 г.

ва философия, люди думают о жизни, о делах земных и человеческих. В этом – их сила⁴¹.

5 мая 1944 г.

Нахожусь на самом фронте. Бывает и снаряды летят через нас, иногда разрываются невдалеке. Но я к этому привык – это одно, а главное – хладнокровен. Меня это мало беспокоит. Я хожу по полю во время такого обстрела, не обращая на это внимания. Словно всё это меня не касается. Это потому, Геничка, что я верю в свою счастливую звезду. Мне суждено поведать нашим детям о тех зверствах и о том глумлении, которые учинили «культурные немцы», «европейцы» над нашим народом⁴².

21 сентября 1944 г.

Война, конечно, частично портит людей. Когда человек часто сталкивается со смертью, он к ней как бы «привыкает». «Как бы» - это значит почти, но тоже не совсем так. «Привыкает» - нельзя привыкнуть к смерти, умереть можно раз, не больше. Тут, мамка, я хочу сказать, что ежедневно, будучи в опасности, некоторые, махнув рукой, хватают любые «радости», несмотря на их качество. Это портит. Другие пьют, это тоже портит⁴³.

Жить или умереть

Когда человек отправлялся на войну, слова «жить или умереть» носили для него характер абстрактного призыва. Однако на передовой это становилось конкретным понятием. Для человека на войне всегда наступал решительный момент, когда это могло с ним произойти лично, здесь и сейчас. Очень многое зависело от того, на что перед боем настраивался человек – на жизнь или на смерть. Предчувствие смерти заставляло многих прощаться, писать письма, искать поддержку у товарищей.

Это был призыв, который нельзя было сравнить ни с чем – самый решительный, бескомпромиссный, жестокий. Он сжигал мосты и исключал третий путь, требовал действовать решительно. Это был фактор, который был обязан перевесить на чаше весов в случае паритета (в количестве войск, боеприпасах, оружии, усталости). Поэтому каждая сторона настраивалась себя словами – «жить или умереть», «победа или смерть».

⁴¹ Письмо Давида Шлемовича Пинхасика из действующей армии – жене Марии Михайловне Вагановой в Казань 14 февраля 1943 г.

⁴² Письмо Я.М. Скульского – Г. Брехман 5 мая 1944 г.

⁴³ Письмо М.С. Абрамовича – Е.Я. Абрамович в г. Ярославль 21 сентября 1944 г.

Однако одно дело, требовать это от молодых, сильных, здоровых, отдохнувших, подготовленных к боям людей. Другое - от тех, кто «навоевался», устал, обессилил, находится на пределе своих возможностей.

Война собирала вместе людей разных национальностей, разного жизненного опыта, возраста, воспитания, образования и интеллектуального уровня, и толкала на решение одной задачи. Получалось, что «призыв жить или умереть» давали одни, а умирать должны были другие - люди на передовой, которые должны были подняться в атаку, пробежать несколько сотен метров вперед, которые отделяли их от жизни и смерти, решали исход боя, приносили победу или поражение.

Мысли о жизни и смерти, которые пронизали строки писем фронтовиков, оказывались наиболее искренними и правдивыми во всей переписке. Они были лишены мнимой патетики, выражали сокровенное, мысли, чаяния и чувства людей, оказавшихся на краю бытия, тех, кто подошел к последней черте и уже сделали свой выбор. Почитаем строки из этих писем:

13 декабря 1942 г.

Утром мы должны были идти в наступление. Нет, в ту ночь было не до сна. Мы лежали на нарах в землянках и переговаривались. Ни у кого почему-то не появлялась мысль, что он будет убит или ранен, хотя каждому известно, что в бою без жертв не обходится. Вспоминали о друзьях, о близких, о наших девушках. Многие написали письма⁴⁴.

5 декабря 1943 г.

Нахожусь сейчас на передовой линии, в обороне. Я пушкой хорошо владею, и буду метко бить по танкам противника. Я здоров и бодро себя чувствую. Теперь перед боем мои мысли летают к вам, и все спрашиваю себя, как вы живете? Я ведь уже два месяца, как не получал от вас ничего. Вы, наверное, беспокоитесь обо мне. Прошу не падать духом и твердо и хладнокровно ждать разворачивания событий. Жив останусь, будем жить счастливой жизнью. Не вернусь - тогда знаете, что пал, защищая Родину⁴⁵.

19 июля 1944 г.

Жесточайшая война может забрать и мою мелкую жизнь. «Лес рубят, щепки летят» - говорит народная поговорка⁴⁶. Это я понимал, когда уезжал из Москвы, это я понимаю и сейчас: или я оставлю свое грешное тело здесь, в Прикар-

⁴⁴ Письмо М.Б. Ваила - Б.Ш. Вайл-Новак в Бугуруслан 13 декабря 1942 г.

⁴⁵ Письмо Павла Хаимовича Симховича из действующей армии - Х.И. Симховичу Молошовский р-н Чардоусской обл. Туркменской ССР 5 декабря 1943 г.

⁴⁶ Имеется в виду, что в большом деле не бывает без ошибок, недостатков, жертв; говорится тогда, когда убеждены, что ошибки, недостатки и т. п. не затрагивают существа дела, не подрывают основы чего-либо.

патских горах Румынии, или я устрою жизнь нашу, достойную нашей любви, наших стремлений⁴⁷.

10 октября 1944 г.

Бои очень ожесточенные. Себя не жалею, мстим полностью за все. Немецкие трупы как навоз устилают дорогу. Не знаем отдыха, вперед и только вперед. Моя жизнь теперь это бои, атака, преследование, уничтожение фрицев. Большого мне не надо, это великое счастье. И если случится так, что на поле боя уйдет жизнь, а жить так хочется, поверь, то в последнюю минуту буду думать о тебе, о самой родной и любимой своей. Не жалею меня, если это случится, так не стану я себя в бою жалеть, так нужно⁴⁸.

30 ноября 1944 г.

Дождешься ли ты меня? До сих пор вера еще теплилась, а теперь начинает иссыхать. Более чем трехлетнее пребывание под огнем может убить любую веру..., придется рано или поздно принять на себя бой, из которого мало кто вернется живым ..., мы от противника в считанных метрах. Как назло, тоска меня разъедает как никогда ...

13 декабря 1944 г.

Мы получили сведения, что противник готовится к утру пойти в атаку. И первыми должны будем пострадать именно мы, на переднем крае. Особых иллюзий, что уцелею, мы не питали. За эту ночь я много передумал. Биться придется до последнего, чтобы не попасться живым в руки врага. Это самое страшное, и лучше своевременно покончить с собой. Я думал о тебе, о том, что долго ты не будешь получать моих писем, станешь волноваться, а затем, получив печальную весть, как ты будешь ее переживать, и как она отразится на тебе, уже до этого испытывавшей так много горя и нужды⁴⁹.

«Жизнь моя зависит от случая»

Смерть на войне могла наступить от рукопашной схватки, артиллерийского обстрела, воздушного налета, противопехотной мины, гусеницы танка, быть заживо погребенным под обломками обрушившегося здания. Но самым обидным среди фронтовиков считалось умереть от случайной пули, осколка снаряда или мины-ловушки. Погибнуть не в открытом бою, не при выполнении поставленной задачи, спасая товарища, защищая из последних сил свою позицию.

⁴⁷ Письмо Н.Бейлина – Г. Чарной 19 июля 1944 г.

⁴⁸ Письмо С.М. Канцедикаса – Э.Я. Канцедикас 10 октября 1944 г.

⁴⁹ Письма М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак в Бугуруслан 30 ноября и 13 декабря 1944 г.

Случайная гибель всегда вызывала сожаление. О ней говорили – «погиб глупо» или «слепая смерть», хотя результат оставался прежний – человек расставался с жизнью, уходил в мир иной, переставал существовать на этой земле, «навсегда оставался молодым». Страх нелепой смерти, чаще всего от артиллерийского или минометного налета, воздушной бомбардировки, преследовал солдата всю войну. Об этом фронтовики часто писали в письмах, приводили самые неожиданные ситуации, которые подстерегали человека не только на передовой, но и за ее пределами в радиусе от 5 до 10 километров.

Счастливым считался случай, когда смерть оказывалась рядом, но прошла мимо. Несчастливым – когда человек мог остаться жить, если бы на секунду задержался на том месте, которое он только что покинул. Когда солдаты оказывались свидетелями рокового такого случая, слышали или узнавали о случайной гибели товарища, они говорили – «не повезло». И каждый в этот миг думал, не случится ли подобное с ним самим? Поэтому случайная смерть человека на войне считалась особым несчастьем.

От случайно смерти нельзя было уберечься. Она шла по пятам и все, что оставалось – это рассчитывать на везение. Единственным спасением должно было стать окончание войны. И когда это, наконец, произошло, то не было фронтовика, который не вздохнул бы с облегчением.

8-10 июля 1941 г.

Сейчас я нахожусь не очень далеко от Киева. Был близок к смерти. Жив остался случайно (бомбежка). Если жив останусь от пули, то подвести может сердце. В настоящее время я рядовой красноармеец. Жаловаться не приходится, так как на войне с отдельными лицами считаться невозможно. Очень тяжело носить амуницию и особенно, если жарко. Когда приходится бежать, я отстаю, и это больше всего пугает. Прошедшие две недели здоровья не прибавили, а оно мне необходимо⁵⁰.

5 августа 1942 г.

Второй день находимся в непрерывном движении. Пишу весь грязный, уставший и ничего больше не желающий, как только поспать и поесть. Есть уже и среди нас жертвы, и в том числе, два моих товарища. Чья очередь следующая – никто не знает. Пишу во время яростной бомбежки. «Юнкерсы» непрерывно кружат над головой. Слежу за полетом, а затем за падением и разрывом бомб и боюсь, что не успею закончить это письмо, но продолжаю писать.

⁵⁰ Письмо М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 10-8 июля 1941 г.

Надеюсь, что и теперь все кончится для меня благополучно, хотя шансов не так уж много. Борьба идет не на жизнь, а на смерть!⁵¹.

3 сентября 1942 г.

После того, как мы расстались, мы пережили много тяжелых моментов. Иногда уже не надеялись остаться живыми. Но всегда нас что-то спасало. Один раз мы находились в подвале 4-х этажного дома, когда бомба оторвала кусок его с противоположной стороны и завалила ту часть подвала, из которой мы только что перешли. Если бы вы знали, что нам пришлось пережить! Один вид пылающего, большого, недавно красивого города, погибших людей вызывают ненависть к зверям, сделавшим это. Я только теперь все это поняла⁵².

4 сентября 1942 г.

В бинокль все видно, как на ладони, и как будто смотришь кинокартину. Но здесь каждый взрыв, сопровождающийся высоким столбом поднятой земли и дыма, - это взрывы не игрушечных, а настоящих бомб и снарядов. Падающие при этом люди не поднимаются опять, как только будет забран «кинсьемочный аппарат», а останутся лежать навечно в этой болотистой земле⁵³.

18 ноября 1942 г.

Мамочка, ты спрашиваешь про мое сердечко. Ему уже столько пришлось пережить и иногда еще переживать, что оно уже ни на что не реагирует. Несколько раз я думала, что оно разорвется, когда над головой бесконечно долго летит бомба с сиреной. Но пока оно держится, сейчас не до него⁵⁴.

20 ноября 1942 г.

Вчера наши ребята затеяли варить себе обед. В это время начался огневой налет. Все от костра попрятались по окопам и блиндажам. Не прошло и минуты, как один из снарядов угодил прямо в костер, и все ведра, котлы вместе со щами и горящими дровами взлетели в воздух. В этот день обедать не пришлось никому, но зато никто не пострадал⁵⁵.

⁵¹ Письмо М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 5 августа 1942 г.

⁵² Письмо В. Куфаевой своим родителям 3 сентября 1942 г.

⁵³ Письмо М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 4 сентября 1942 г.

⁵⁴ Письмо В. Куфаевой своим родителям 18 ноября 1942 г.

⁵⁵ Письмо М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 20 ноября 1942 г.

18 декабря 1942 г.

Я в действующей армии, привыкаю к грохоту орудийных залпов, «катуш»⁵⁶, «ванюш»⁵⁷ и других орудий. Жизнь моя во многом зависит от случайности и себя самого. Но я приехал на фронт, не для того, чтобы стать жертвой каких-то случайностей и зверств армии фрицев, а для того, чтобы, стрелять самому по фрицам, тем самым спасая жизнь себе в борьбе за Родину, за счастье, за народ.

10 января 1943 г.

Я только вышел из землянки, чтобы оправиться, а тут он, снаряд..., в метрах ста от меня разорвался, потом другой, третий. Заставила вся эта музыка залечь. Война, ничего не поделаешь. Но я надеюсь, что приду живым, здоровым. За то мы и боремся, чтобы остаться жить, победить врага, и зажить вновь весело и счастливо...⁵⁸.

25 мая 1943 г.

Живем сейчас хорошо, с воздуха пока не сыпется, т.к. от передовой находимся в порядочном расстоянии. В нашем расположении есть такие огромные воронки, в которую вошел бы наш росошанский дом⁵⁹ и еще немножко. Из этих воронок образовались на здешней почве правильные круглые пруды, в которых мы стираем⁶⁰.

14 августа 1943 г.

Три раза был на волоске от смерти, а на мне и царапины нет. Дня три тому назад, попали под сильную бомбежку. Обыкновенно, я садился на одну определенную машину, а в этот день, мне вдруг вздумалось поехать на другой. Машина, на которой я ехал, немного отстала, а та на которой я ездил постоянно, вырвалась вперед и оказалась в центре бомбежки. Целым оказался один человек.

На следующий день я оказался мишенью фашистского снайпера, который начал за мной охоту. Над моим ухом, одна за другой просвистели 4 пули.

Третий случай был вчера. Мы только заняли огневую позицию, как появились самолеты врага. Они пикировали и сбрасывали по 3-4 бомбы, сопровождая пулеметным обстрелом. Каждую секунду мы ожидали, что вот это уже па-

⁵⁶ «Катюша» — народное название реактивных систем гвардейских минометов БМ-13, находившихся во время войны на вооружении реактивной артиллерии, появилось в июле 1941 г., одноименной песней М.Блантера на слова М. Исаковского «Катюша», стала первой отечественной мобильной многозарядной реактивной системой залпового огня.

⁵⁷ Немецкий реактивный шестиствольный миномет времен второй мировой войны.

⁵⁸ Письма В.А. Ильевского – Е.И. Ильевской 18 декабря 1942 г. и 10 января 1943 г.

⁵⁹ Имеется в виду г. Россошь Воронежской обл.

⁶⁰ Письмо В. Куфаевой своим родителям 25 мая 1943 г.

дает наша» но, ни одна не оказалась «нашей». Каждого из нас ждет «своя» пуля или «своя» бомба⁶¹.

19 октября 1943 г.

Теперь мы так близко к передовой, как никогда. Не знаю, выберемся ли вообще из этого леса. Обстреливается все вокруг. Не хочется так глупо по-дурацки умирать. У меня есть много хороших вещей, которые я не могу вам отправить, жаль, если они пропадут. Увижу ли я вас еще?

12 ноября 1943 г.

Теперь около 1 часа ночи, все в палатке спят, а мне жутко-жутко. Слышу выстрел немецкой пушки и жду свиста снаряда. После этого – разрыв. Это мгновение от выстрела до разрыва кажется вечностью. Вечно вопрос: где упадет? Через 6 дней будет месяц, как мы стоим под снарядами. Мамочка, милая, если бы вы знали, как все это душу вымучило. Строчат пулеметы, но на них уже внимания не обращаю. Если можете, отзовите меня через военкомат. Очень хочу домой⁶².

12 ноября 1943 г.

Сделал кляксу на письме. Это не результат моей небрежности, а того, что в этот миг разорвался рядом снаряд, и все дрогнуло в моей яме. Дрогнула также и моя рука, и вот – клякса⁶³.

1943 г. Без точной даты

Вчера я поехал на своем лысом коне в тыл. Темно, грязь, ничего не видно. С дороги сбиться опасно, потому что кругом заминировано немцами при отступлении. Бывают случаи, что при разезде на дороге двух машин или повозок одна подрывается. Летят на воздух люди, повозки с грузом и лошади, причем невероятно, каким образом одни остаются живыми и невредимыми, в то время как другие разлетаются, что нельзя найти и остатков. Кругом рожь и высокая трава, не редко во ржи скрываются немцы не успевшие удрать. То и дело вспыхивают взрывы и осветительные ракеты в сопровождении трассирующих руль разных цветов, как будто в парке на карнавале. До утра оставалось немного, но я лег, и сразу же заснул в землянке, где еще вчера были немцы. Проснулся на рассвете от содрогания стенок и потолка, немец начал бомбить ...⁶⁴.

⁶¹ Письмо М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 14 августа 1943 г.

⁶² Письма В. Куфаевой своим родителям 19 октября и 12 ноября 1943 г.

⁶³ Письмо М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 12 ноября 1943 г.

⁶⁴ Письмо Виктора Матвеевича Волчека из действующей армии – своей жене Леле. 1943 г., без точной даты // Белорусский государственный архив научно-технической документации, ф. 81, оп. 2, д. 48.

18 февраля 1944 г.

Мы подверглись артиллерийскому обстрелу, а потом я попал еще под огонь «Луки»⁶⁵ - это нечто ужасное, и долго лежал в кювете. Жизнь такова, что не знаешь, где и когда в тебя попадет, где тебя настигнет смерть, т.к. все кругом кипит и горит⁶⁶.

«Твоя любовь сохранила меня»

Несмотря на все опасности, жизнь человека на войне во многом зависела от него самого. Это не исключало слепые силы смерти и несчастливый случай, которые вели к гибели солдата. Однако очень часто подтверждалось правило о том, что солдат живет до тех пор, пока он этого хочет. Не выгораживать себя, не прятаться за спины других, не отказываться от рискованного задания, смело идти в бой, но делать это с трезвым рассудком.

Сохранить себя на войне солдату помогала любовь. Воевать, и переносить тяготы повседневной фронтовой жизни было легче, когда знаешь, что ты очень нужен любимой женщине. Примет тебя любого, здорового или больного, целого и невредимого или калеку, зрячего или слепого. Лучше всех сказал об этом Константин Симонов в своем ставшем быстро очень знаменитом стихотворении «Жди меня», написанном летом 1941 г., когда поэту самому исполнилось всего 26 лет. Каждый солдат знал и примерял эти строки к себе, убеждаясь в их правоте.

В годы войны слово «любовь» (по своему содержанию и эмоциональному наполнению) выступало синонимом слова «жизнь». Жизнь без любви считалась неполноценной. Солдаты, не имевшие подруги или жены, не познавшие любовь, завидовали тем, у кого все это было, чувствовали себя более уязвимыми. Вот почему в письмах с фронта и на фронт мы часто находим слова о женской любви, ее значимости для сохранения солдатской жизни. Когда же отгремел последний выстрел войны, и было объявлено о капитуляции Германии, многие начали признаваться, что не всегда надеялись дожить до победы, о том, что только благодаря женщине, которая любила и ждала, человек на войне остался жив. Или более прозаично: «твоя любовь – моя страховка»⁶⁷.

⁶⁵ *Nebelwerfer* (с нем.- «туманомёт») – германский буксируемый реактивный миномет времён второй мировой войны залпового огня, использовался для стрельбы осколочно-фугасными минами

⁶⁶ Письмо М.Б. Ваила - Б.Ш. Вайл-Новак 18 февраля 1944 г.

⁶⁷ Из письма М.С. Абрамовича - Е.Я. Абрамович 26 июня 1944 г.

4 сентября 1942 г.

Помнишь слова «Ожиданием своим ты спасешь меня»?⁶⁸ Если бы не мысль о том, что вы ждете, то меня давно не было бы в живых. Если человек чувствует, что он нужен, дорог, что его ждут, он лучше будет беречь себя (...).

3 марта 1943 г.

Я ранен легко в ногу, ожидаю отправки в госпиталь. Все ли вы живы, и как вы живете? Скоро обратно пойдем добывать или погибать. Если только живы будем, так увидимся, а если убьют, так не забывайте⁶⁹.

21 июля 1943 г.

Вот уже два года, как я в армии. Два тяжёлых, самых страшных года. Все мысли, все чувства всегда с вами. В самые опасные минуты на фронте, ты Генричка, приходила ко мне и помогала, вселяя мужество, призывая к борьбе и победе. Я могу считать, что родился под счастливой звездой. Пережить такие два года и остаться целым, невредимым. Да разве это не счастье?⁷⁰

26 июня 1944 г.

У нас все по-прежнему, соседние фронты уже воюют, наверное, скоро и мы пойдем на запад. Знаю, что твоя любовь, любовь матери, детей будут моей страховкой, я вернусь к вам истосковавшимся по ласке, по уюту, жадный на жизнь, на прелести, которые не ценил раньше⁷¹.

19 мая 1945 г.

Теперь могу тебе прямо признаться, что пока шла война, я не надеялся вернуться, остаться живым, ведь почти все мои товарищи погибли, а я себя в бою не щадил. И тому, что я вернусь, мы должны быть благодарны, что «просто ты умела ждать». ⁷² Поэтому низкий поклон тебе и благодарность от меня и от всего нашего многочисленного будущего потомства⁷³.

«Живому ничего не страшно»

Человек не мог долго находиться на фронте, постоянно испытывая чувство страха. Каждый солдат, попавший впервые на передовую, обязан был с этим справиться. Убедить себя в том, что страх смерти можно преодолеть, а смерть не

⁶⁸ Строка из стихотворения «Жди меня» К.М. Симонова, написано в июле-августе 1941 г. и было посвящено актрисе Валентине Серовой.

⁶⁹ Письма Нисанеля Мордуховича Левита из действующей армии – жене Вихне Израилевне Тумаринсон в г. Горький (Нижний Новгород) 4 сентября 1942 г. и 3 марта 1943 г.

⁷⁰ Письмо Я.М. Скульского – Г. Брехман 21 июля 1943 г.

⁷¹ Письмо М.С. Абрамовича – Е.Я. Абрамович 26 июня 1944 г.

⁷² Там же.

⁷³ Письмо С.М. Канцедикаса – Э.Я. Канцедикас 19 мая 1945 г.

разит всех без разбору. Чем скорее новичок понимал, что вера в жизнь дает надежду выжить, тем скорее к нему приходило чувство уверенности. Смело идти навстречу опасности, противник тоже смертен и тоже боится смерти, но он находится не на своей земле. Он ведет несправедную войну и поэтому нравственно слабее. Нужно было исключить неоправданный риск, отказаться от бессмысленной бравады – *«веду я себя хорошо, пулям не кланяюсь и глупо не лезу под них»*⁷⁴.

В то же время мысль о том, что пока человек жив ему ничего не страшно, не означало, что ничто больше не грозило. Опасность оставалась. Однако если судить по письмам, то лейтмотив о том, что «живому ничего не страшно» творил чудеса. Мы читаем рассказы фронтовиков о том, как человек, преодолевший страх смерти, выходил из боя живым, когда, казалось, был обречен. В то же время просьбы солдат к домашним напрасно не волноваться, как правило, мало успокаивали. Родные фронтовиков догадывались о степени риска, которому подвергались их мужья, отцы и братья. Они прекрасно понимали, что преодоление страха смерти – это не гарантия того, что солдат доживет до победы: «ты пишешь, чтобы не беспокоиться за тебя, этого быть не может, ты не на гулянье»⁷⁵.

18 июня 1942 г.

Пишу в ОКОПЕ на передовой линии. ЖИВ и ЗДОРОВ, ЦЕЛ и НЕВРЕДИМ. Надеюсь, что увидимся скоро живыми и здоровыми. Уже ДВАДЦАТЬ дней, как нахожусь на фронте. Пережито много, впереди ещё больше, свыкся к обстановке и это даёт чувство уверенности в общей надежде нашей. Погода тут стоит вся влажная. Часто подмачивает. ЖИВОМУ НИЧЕГО НЕ СТРАШНО.

29 июня 1942 г.

Вчера в 12 часов ночи. Я вместе с группой красноармейцев поднялся с ОКОПА, одетые в одних гимнастёрках, без шинели, винтовки патроны и гранаты и пошли в разведку к немецким окопам. Сначала меня немножко трясло. Как только поднялся, стал я смелым, как будто иду по своему цеху в БОБРУЙСКЕ, осторожно, ползком до немецких окопов в 500-600 м. лёту и через моей голове летят как на конвейере, где оформлялись и остывали карамели, ПУЛИ СВЕТЯЩИЕ, ПУЛИ ШИПЯЩИЕ, ПУЛИ РАЗРЫВНЫЕ, ПУЛИ ПРОСТЫЕ. Ракеты немцы пускают почти непрерывно. Целую ночь они всё ищут наших, а мы лежим спокойно, под носом и нас он не видит, ибо он всё пускает светя-

⁷⁴ Из письма М.С. Абрамовича – Е.Я. Абрамович 10 августа 1944 г.

⁷⁵ Из письма Эти Израилевны Найштут из с. Яйпан, Кагановический район, Ферганская область Узб. ССР – своему мужу Израилу Янкелевичу Найштуту в действующую армию 6 января 1943 г.

щих материалов и голову поднять боится. И кто это не пережил, тот не поймёт сложность этого⁷⁶.

2 декабря 1942 г.

Нахожусь в такой обстановке, что невозможно и двух слов написать. Кругом настоящий ад. Смерть подстерегает на каждом шагу. От гула и канонады чуть ли не глухну ... выбиваем врага буквально из каждого блиндажа. Все время находимся в походном положении. Живем круглые сутки под открытым небом. Земля мерзлая, и не успеешь выбить щель, как переходим на другое место⁷⁷.

24 июля 1943 г.

Около недели наша часть находилась непосредственно на фронте. Судьба пока бережет меня, даже царапины не получил. Везет. Некоторых товарищей уже нет в живых. Они пали смертью героев в боях за Родину. Немало пришлось пережить и мне.

Дорогая мамочка! Не строй себе особых страхов, не беспокойся. Будем надеяться, что все кончится благополучно. Недавно у нас загорелась машина с боеприпасами. Мой начальник кинулся тушить первым, я за ним, за мной – остальные. Было сначала жутковато, а потом ничего. Самое страшное на фронте быть трусом. Или тебя убьют или товарищи, как собаку, пристрелят⁷⁸.

6 марта 1944 г.

Сейчас я пишу тебе письмо, температура 39 гр. Врач говорит нужно побольше кушать. А что кушать? У меня было немного денег, что ты прислала, я купил белый хлеб и с чаем попил. Из роты сообщили, что курс обучения кончен, ребята уже сдают зачеты. К концу марта предполагается отправка на фронт. Надеюсь, к этому времени выздоровею и поеду тоже, а там, как счастье улыбнется, ранят – хорошо, убьют – еще лучше. Значит, такая будет моя судьба⁷⁹.

Вывод

Для человека, как разумного существа нет ничего дороже жизни. Каждая человеческая жизнь бесценна и неповторима. Человек не вечен и в этом нет ниче-

⁷⁶ Письма Макса Гиршевича Двоскина из действующей армии – жене Риве Абрамовне Двоскиной в г.Чебоксары Чувашской АССР 18 и 29 июня 1942 г.

⁷⁷ Письмо М.Б. Ваила – Б.Ш. Вайл-Новак 2 декабря 1942 г.

⁷⁸ Письмо Мони (Эммануила) Гильдинера из действующей армии – своей матери Анне Абрамовне Гильдинер в г. Сталинобад (Душанбе) Таджикской ССР 24 июля 1943 г.

⁷⁹ Письмо Александра Хаимовича Зингермана – своей сестре Доре *Самойлович в г. Кок-Янгах Джалалабадской обл. Киргизская ССР* 6 марта 1944 г.

го нового. Но важно, как и когда он расстается с жизнью, в молодости, зрелом возрасте или в старости.

На войну уходили, в основном, молодые люди, которые совсем недавно вступили во взрослый мир, полные сил и жизненных соков, у которых все было впереди. Очень многие еврейские мужчины и юноши вступили в армию добровольно. Они не захотели воспользоваться отсрочкой от призыва, поступить в учебное заведение, предложить свои услуги и способности, знания и интеллект в тылу, не искать возможностей уклониться от фронта, хотя это гарантировало жизнь.

Почему люди добивались призыва в армию? Было ли это только проявление патриотизма или сознание, что опасность настолько велика, что невозможно сидеть, сложа руки? Стремление защищать свои семьи, родителей, жен и подруг, обеспечить их будущее? Так или иначе, но это был осознанный выбор - не ждать пока смерть в образе нацистского врага нагрянет в их дом, а самим шагнуть навстречу смерти.

Жизнь солдата на войне не была мучительным ожиданием смерти. Письма показывают, что каждый солдат по-своему пытался философски ее осмыслить. Он понимал, что смерть конкретного человека в бою не повлияет на конечный итог войны. Товарищи по оружию сделают за него эту «работу». Точно так же поступит и он в случае смерти друга.

Жизнь и смерть, как два антипода постоянно присутствовали в солдатских письмах. Шло постоянное противопоставление этих двух полярных понятий, не только наяву, но даже во сне. Сознание, что смерть реальна, заставляла делать разные выводы. Одних - ценить каждое мгновение, других - не церемониться, жить сегодняшним днем, не задумываясь о завтра.

Каждое солдатское письмо, даже самое будничное, таило внутреннюю силу. Для писем времен войны не был характерен т. н. «черный юмор», в котором сквозило показное пренебрежение смерти. Большинство понимало, что смерть рядом и не стоит искушать судьбу. В некоторых письмах солдаты пытались представить тему своей возможной гибели. Не то, что ОН сам уйдет из жизни, а то, что ЕГО смерть причинит горе и страдание семье. При этом он заранее переживали горе, беды, эмоциональное потрясение его семьи. Дети останутся сиротами, жена - вдовой, что его смерть приведет к материальным невзгодам, хозяйственным трудностям, взвалит дополнительную ношу на их плечи. Все это показывает глубину чувства солдата, его любовь преданность на уровне самопожертвования. Солдат шел на бой, искал встречи с врагом не для того, чтобы умереть, а для того чтобы жить самому и дать жить другим.

Жизнь на войне требовала становиться жестоким, менее чувствительным, снизить эмоциональный фон, научиться действовать более хладнокровно и расчетливо. Готовность убить другого человека вызывало переворот в сознании. Поэтому можно утверждать, что каждый, кто побывал на войне, видел смерть своими глазами, ощутил ее дыхание на себе, не мог оставаться нормальным человеком. Здоровье целого поколения людей, переживших войну, оказались подорванным не только голодом, непосильным трудом и недостатком сна, истощением и болезнями, оно пострадало ментально. Переживания фронтовика никуда исчезали, скрываясь только на время в глубину его подсознания. Однако человек не смог бы пережить стресс, полученный на войне, если бы одновременно в его сознании не происходили процессы реабилитации. В итоге бывшие фронтовики научились ценить жизнь так, как не могли это делать те, кто не побывал на войне и не был знаком со смертью.

„Write, while I'm alive; my life is transient”

About life and death in war.

(On pages from letters and diaries of Jewish soldiers and officers in the Red Army, 1941-1945).

The article is devoted to perceptions of life and death by men at war. This study is based on correspondence, letters and diaries of Soviet Jews, as soldiers of the Red Army during WWII, which were recently collected in the archives of the Diaspora Research Centre at Tel Aviv University (2012-2017) and now, for the first time, are being used for academic purposes. Analyzing this correspondence, the author seeks an answer to the question, why did Jews seek conscription in the army? Was this a manifestation of Soviet patriotism or a desire to protect their families, parents, wives and girlfriends? How did Jews feel themselves in the Red Army among comrades-in-arms of other nationalities? The article describes how they fought, and what helped soldiers to survive - the belief not to be killed; combat experience; skillful handling of weapons and the art of war; accident or fate. It concludes that the health of a whole generation of people who survived the war, was undermined not only by hunger, overwork and lack of sleep, exhaustion and disease, but also by mental suffering. However, those who survived to victory, learned to value life in a way that could not be done by those who did not go to war and were not familiar with death.